

Действие Третье
Сон Пятый

... Янычар сбоит!...

(Странная симфония. Поют турецкие напевы, в них вплетается русская шарманочная "Разлука", стоны уличных торговцев, гудение трамваев. И вдруг загорается Константинополь в предвечернем солнце. Виден господствующий минарет, кровли домов. Стоит необыкновенного вида сооружение, вроде карусели, над которым красуется крупная надпись на французском, английском и русском языках: "Стой! Sensation в Константинополе! Тараканьи бега!!!" "Русская азартная игра с дозволения полиции". "Sensation à Constantinople! Courses des cafards". "Races of cock-roachs!"

Сооружение украшено флагами разных стран. Касса с надписями: "В ординаре" и "В двойном". Надпись над кассой на французском и русском языках: "Начало в пять часов вечера". "Commencement à 5 heures du soir". Сбоку ресторан на воздухе под золотушными лаврами в кадках. Надпись: "Русский деликатес—вобла. Порция 50 пиастров". Выше—вырезанный из фанеры и раскрашенный таракан во фраке, подающий пенящуюся кружку пива. Лаконическая надпись: "Пиво".

Выше сооружения и сзади живет в зное своей жизнью узкий переулок: проходят турчанки в чарчафах, турки в красных фесках, иностранные моряки в белом; изредка проводят осликов с корзинами. Лавчонка с кокосовыми орехами.

Мелькают русские в военной потрепанной форме.

Слышны звоночки продавцов лимонада. Где-то отчаянно вопит мальчишка: "Пресс дю суар!"

У выхода с переулка вниз к сооружению Чарнота, в череске без погон, выпивший, несмотря на жару, и мрачный, торгует резиновыми чертями, тещиными языками и какими-то прыгающими фигурками с лотка, который у него на животе.

Чарнота. Не бьется, не ломается, а только кувырывается! Купите красного комиссара для увеселения ваших детишек-ангелочков! Мадам! Мадам! Аштэпур вотр анфан!

Турчанка, любящая мать. Бунун фиа ты надыр? Комбьен?

Чарнота. Сенкан пиастр, мадам, сенкан!

Турчанка, любящая мать. О, иох! Бу пахалы дыр! (Проходит.)

Чарнота. Мадам! Сорок! Каран! А, чтоб тебе пропасть! Да у тебя

и детей никогда не было! Геен зи!... Геен зи!... Ступай в гарем! Боже мой, до чего же сволочной город!

(Константинополь стонет над Чанотой. Где-то надрываются тенора— продавцы лимонов, кричат сладко: "Амбуляси! Амбуляси!" Басы поют в симфонии: "Каймаки, каймаки!" Стуруится зной. В кассе возникает личико. Чарнота подходит к кассе.)

Марья Константиновна, а Марья Константиновна!

Личико. Что вам, Григорий Лукьянович?

Чарнота. Видите ли, какое дельце ... Нельзя ли мне сегодня в кредит поставить на Янычара?

Личико. Помилуйте, Григорий Лукьянович, не могу я.

Чарнота. Что же, я жулик, или фармацевт константинопольский, или неизвестный вам человек? Можно бы, кажется, поверить генералу, который имеет свое торговое дело рядом с бегами?

Личико. Так-то оно так ... Скажите сами Артуру Артуровичу.

Чарнота. Артур Артурович!

Артур (появляется на карусели, как Петрушка из-за ширм, мучается, пристегивая фрачный воротничок). В чем дело? Кому я понадобился? А! ... Чем могу?

Чарнота. Видите ли, я хотел вас попросить ...

Артур. Нет! (Скрывается.)

Чарнота. Что это за хамство! Куда ты скрылся, прежде чем я сказал?

Артур (появляется). Так ведь я же знаю, что вы скажете.

Чарнота. Интересно—что?

Артур. Гораздо интереснее то, что я вам скажу.

Чарнота. Интересно—что?

Артур. Кредит—никому! (Скрывается.)

Чарнота. Вот скотина!

(В ресторане появляются двое французских моряков, кричат: "Un bock! Un bock!")

Личко. Клоп по вас ползет, Григорий Лукьянович, снимите.

Чарнота. Да ну его к черты, и не подумаю снимать, совершенно бесполезно. Пускай ползет, он мне не мешает. Ах, город! ... Каких я только городов не перевидал, но такого ... Да, видал многие города, очаровательные города, мировые! ...

Личико. Какие же вы города видали, Григорий Лукьяновичи?

Чарнота. Господи! А Харьков! А Ростов! А Киев! Эх, Киев-город, красота, Марья Константиновна! Вот так лавра пылает на горах, а

Днепро, Днепро! Неопиcуемый воздух, неопиcуемый свет! Травы, сеном пахнет, склоны, доли, на Днепре черторой! И помню, какой славный бой под Киевом, прелестный бой! Тепло было, солнышко, тепло, но не жарко, Марья Константиновна. И вши, конечно, было ... Вошь—вот это насекомое!

Личко. Фу, гадости какие говорите, Григорий Лукьянович!

Чарнота. Почему же гадость? Разбираться все-таки нужно в насекомых. Вошь—животное военное, боевое, а клоп—паразит. Вошь ходит эскадронами, в конном строю вошь кроет лавой, и тогда, значит, будут громаднейшие бои! (Тоскует.) Артур!

Артур (выглядывает во фраке) Чего вы так кричите?

Чарнота. Смотрю я на тебя и восхищаюсь, Артур! Вот уж ты и во фраке. Не человек ты, а игра природы—тараканий царь. Ну и везет тебе! Впрочем ваша нация вообще везучая!

Артур. Если вы опять начнете проповедовать здесь антисемитизм, я прекрщу беседу с вами.

Чарнота. Да тебе-то что? Ты же говорил, что ты венгерец.

Артур. Тем не менее.

Чарнота. Вот и я говорю: везет вам, венгерцам! Вот чего, Артур Артурович: хочу я ликвидировать свое предприятие. (Показывает на лоток.)

Артур. Пятьдесят.

Чарнота. Чего?

Артур. Пиастров.

Чарнота. Ты что же, насмешки строишь надо мной? Я штуку продаю по пятьдесят!

Артур. Ну и продолжай!

Чарнота. Вы, стало быть, и впредь намерены кровопийцествовать?

Артур. Я вам не навязываюсь.

Чарнота. Счастливый вы человек, Артур Артурович, не попались вы мне в Северной Таврии!

Артур. Ну, здесь, слава богу, не Северная Таврия!

Чарнота. Возьми газыри. Серебряные.

Артур. Газыри вместе с ящиком—две лиры пятьдесят.

Чарнота. На, бери! (Отдает ящик и газыри Артуру.)

Артур. Пожалуйста. (Отдает деньги Чарноте.)

(В карусель проходят трое в шапках с павлиньими перьями, в безрукавках и с гармониями.)

(Скрылся, потом опять выглянул, кричит.) Пять часов! Мы начинаем!

Пожалуйте, господа!

(Над каруселью взвивается русский трехцветаный флаг. В карусели гармонии заиграли залихватский марш. Чарнота первым устремляется к кассе.)

Чарнота. Давайте, Марья Константиновна, на две лиры пятьдесят на Янычара!

(К кассе повалила публика. Вламывается группа итальянских военных моряков, за ними—английские матросе, с ними—Проститутка-красавица. Полезли жулики разного типа, мелькул Негр. Марш гремит. В ресторане летает Лакей, подает пиво, Артур, во фраке и в цилиндре, взвился над каруселью. Марш смолк.)

Артур. Мсье, дам! Бега открыты! Невиданная нигде в мире русская придворная игра! Тараканьи бега! Курс де кафар! Карсо дель пьятелло! Рейс оф кок-рочс! Любимая забава покойной императрицы в Царском Селе! Ламюземан префере де ла дефянт эмператрис рюсс в Царское Село!

(Появляются двое полицейских—итальянский и турецкий.)

Первый заезд! Вегут: первый номер—Черная Жемчужина! Номер второй—фаворит Янычар.

Итальянцы-матросы (аплодируют, кричат). *Evviva!*

Англичане-матросы (свистят, кричат). *Away! Away!*

(Вламывается потная, взволнованная Фигура в котелке и в интендантских погонах.)

Фигура. Опоздал?! Побежали?

(Голос: "Поспеешь!")

Артур. Третий—Баба-Яга! Четвертый—Не плачь, дитя! Серый в яблоках таракан!

(Крики: "Ура!", "Не плачь, дитя!" "It is a swindle! It is a swindle!")

Шестой—Хулиган! Седьмой—Пуговица!

(Свист. Крики: "A trap!", "A trap")

Артур. Ай бег ёр пардон! Никаких шансов! Тараканы бегут на открытой доске, с бумажными наездниками! Тараканы живут в опечатанном ящике под наблюдением профессора энтомологии Казанского императорского университета, еле спасшегося от рук большевиков! Итак, к началу! (Проваливается в карусель.)

(Толпа игроков хлынула в карусель. Мальчишки появились на каменном заборе. В карусели гул, потом мертвое молчание. Потом гармонии заиграли "Светит месяц"; в музыке побежали, шурша, тараканьи лапки.)

(Отчаянный голос в карусели: "Побежали!")

(Мальчишка-грек, похожий на дьяволенка, танцует на заборе, кричит: "Побезали, побезали!")

(Крик в карусели: "Янычар сбоит!" Гул.

Чарнота (у кассы). Как—сбоит? Быть этого не может!!!

(Голос в карусели: "Не плачь, дитя"! Другой голос: "Давай, давай, давай!")

Убить Артурку мало!

(Личико беспокожно высовывается из кассы. Полицейские проявляют беспокойство, заглядывают в карусель.)

Фигура (выбежав из карусели). Жульничество! Артурка пивом опоил Янычара!

(Артур вырывается из карусели. Обе фалды фрака у него оторваны, цилиндр превращен в лепешку, воротничка нет. Лицо в крови. За ним гонится толпа игроков.)

Артур (кричит отчаянно.) Марья Константиновна, зовите полицию!
(Личико исчезает. Полицейские свистят.)

Итальянцы-матросы (кричат). Sadro! Scroccone! Trufatore!

Проститутка-красавица. Бей Артура, Джанни! (Артуру.) Ingannatore!

Матроцы-англичане. Hip, hip, hurrah! Long live Pugovitz!

Проститутка-красавица. Братики! Фрателли! Кто-то подкупил Артурку, чтобы Пуговицу играть! Фаворит трясет лапками, пьян, как зюзя! Где это видано, чтобы Янычар сбоил?!

Артур (в отчаянии). Где вы видели когда-либо пьяного таракана? Же вы деманд эн пё, у эсе-кё вы заве вю эн кафар суль! Полис! Полис! О скур! ... Полиция! На помощь!

Проститутка-красавица. Мансонж! Ложь! Вся публика играла Янычара! Бейте его, мошенника!

Итальянец-Матрос (схватывает Артура за глотку, кричит). А, maffialia!

Итальянцы (кричат). Canalia!

Артур (томно). Убивают ...

Боцман-англичанин (Итальянцу). Stop! Keep back! (схватывает Итальянца.)

Фигура. Дай ему по уху!

Проститутка-красавица (Англичанину). А, так вы заступаться?
(Англичанин ударяет Итальянца, тот падает.)

Проститутка-красавица. А soccorso, fratelli! На помощь, братики! Бейте, братики, англичан! Итальянцы, на помощь!

(Англичане схватываются с итаньянцами. Итаньянцы вытаскивают ножи. При виде ножей публика с воем бросается в разные стороны. Мальчишка-грек, танцуя на стене, кричит: "Англичанов резут!!!" Из переулка, свистя, врывается толпа итальянских и турецких полицейских с револьверами. Чарнота у кассы, схватывается за голову.)

(Сон вдруг разваливается)

(Тьма. Настает тишина, и течет новый сон.)

Сон Шестой

... Разлука, ты разлука!...

(Появляется двор с кипарисами, двухэтажный дом с галереей. Водоем у каменной стены, тихо стучат капли воды. Каменная скамья у калитки. Повышет дома кривой пустынный переулок. Солнце садится за балюстраду минарета. Первые предвечерние тени. Тихо.)

Чарнота (входит во двор). Чертова Пуговица! Впрочем, дело не в Пуговице, а в том, что я пропал бесповоротно ... Съест она меня, съест. Убежать, что ли? А куда, если спросить вас, Григорий Лукьянович, вы побежите? Здесь вам не Таврия, бегать не полагается. Ай-яй-яй! (Дверь на галерейку открывается, и выходит Люська. Одета неряшливо. Люська голодна, от этого глаза ее блестят, а лицо дышит неземной, но мимолетной красотой.)

Люська. А, здравия желаю, ваше превосходительство! Бонжур, мадам Барабанчикова!

Чарнота. Здравствуй, Люсенька!

Люська. Отчего же вы так рано? Я бы на вашем месте прошлялась до позднего вечера, тем более что дома очень скучно—ни провизии, ни денег. Но счастливые вести написаны на вашем выразительном лице, и ящка нет. И газыри отсутствуют. Кажется, я начинаю понимать, в чем дело. Пожалуйста деньги, я и Серафима не ели со вчерашнего дня ничего. Будьте любезны.

Чарнота. А где Серафима?

Люська. Это не важно. Она стирает. Ну, подавай деньги.

Чарнота. Случилась катастрофа, Люсенька.

Люська. Неужели? Где газыри?

Чарнота. Я, Люся, задумал продать их и, видишь ли, положил в ящик, на минутку снял ящик на Гран-Базаре, и ...

Люська. Украли?

Чарнота. Угу ...

Люська. Конечно, человек с черной бородой украл, не правда ли?

Чарнота (славея). При чем тут человек с черной бородой?

Люська. А он всегда крадет у мерзавцев на Гран-Базаре. Так честное слово—украли?

(Чарнота кивает головой.)

Тогда вот что. Ты знаешь, кто ты, Гриша, таков?

Чарнота. Кто?

Люська. Последний подлец!

Чарнота. Как ты смеешь?!

(Серафима выходит с ведром, останавливается. Ссорящиеся ее не замечают.)

Люська. Смею, потому что ящик был куплен на мои деньги.

Чарнота. Ты мне жена, и у нас общие деньги.

Люська. У мужа—от торговли чертями, а у жены—от торговли совсем другими вещами!

Чарнота. Что ты сказала?

Люська. Да что ты валяешь дурака! На прошлой неделе с французом я псалмы ездила петь? Кто-нибудь у меня спросил, откуда у меня пять лир появилось? И на пять лир неделю жили, и ты, и я, и Серафима! Но это еще не все! Ящик с газырями остался не на Гран-Базаре, а на тараканьих бегах! Ну-с, подведем итоги. Лихой рыцарь генерал Чарнота разгромил контрразведку, вынужден был из армии бежать, ну и теперь нищенствует в Константинополе, а с ним и я!

Чарнота. Ты что же, можешь упрекнуть меня за то, что я женщину от гибели спас? За Симку можешь упрекнуть?

Люська. Нет! А ее, Симку, могу упрекнуть, могу! (Закусила удила.) Пусть живет непорочная Серафима, вздыхает по своем пропавшем без вести Голубкове, пусть живет и блистательный герерал за счет распутной Люськи.

Серафима. Люся!

Люська. Подслушивать тебе как будто и не к лицу, Серафима Владимировна!

Серафима. Я и не думала подслушивать, не занимаюсь этим. Услышала случайно, и хорошо, что услышала. Почему же ты мне раньше ничего не сказала насчет пяти лир?

Люська. Что ты лукавишь, Серафима, что ты, слепая, что ли?

Серафима. Клянусь тебе, я ничего не занала. Я думала, что пять лир он принес. Но не беспокойся, Люся, я отработаю.

Люська. Пожалуйста, без благородства!

Серафима. Не сердись, не будем ссориться. Выясним положение.

Люська. Выяснить тут нечего. Завтра греки нас турнут с квартиры, жрать абсолютно нечего, все продано. (Загорается вновь.) Нет, я не могу успокоиться! Это он меня довел до белого каления! (Чарноте.) Отвечай, проиграл?

Чарнота. Проиграл.

Люська. Ах ты! ...

Чарнота. Войди в мое положение! Не могу я торговать чертями! Я воевал!

Серафима. Люся, брось, брось ... Ну брось! Полторы-две лиры, ну чем они нам помогут?

(Молчание.)

А ведь действительно какой-то злостный рок нас травит!

Люська. Лирика!

Чарнота (внезапно, Люське). Ты была с французом?

Люська. Поди ты к черты от меня!

Серафима. Тише, тише, тише! Перестаньте ссориться, сейчас я принесу ужин.

Люська. Брось, Симка, не берись не за свои дела. Ты моими словами не обижайся. Я все равно пойду по этой дороге. Я не евши сидеть не буду, у меня принципов нету!

Серафима. И не евши я сидеть не буду, и на чужой счет питаться не буду. А знать, что ты ходишь, зарабатываешь, и сидеть—это уж такая подлость, такая подлость! Надо было мне все сказать! Попали вместе в яму—вместе и действовать будем!

Люська. Чарнота продаст револьвер.

Чарнота. Люсенька, штаны продам, все продам, только не револьвер! Я без револьвера жить не могу!

Люська. Он тебе голову заменяет. Ну и питайся на женский счет!

Чарнота. Ты не искушай меня!

Люська. Вот только тронь меня пальцем, я тебя отравлю ночью!

Серафима. Перестньте! Что вы грызетесь все время? Я вам говорю—будет ужин! Это вы с голоду!

Люська. Что ты там затеваешь, дура!

Серафима. Ничего я не дура, я была действительно душой! Да не все ли равно, чем торговать, Все это такая чпуха! (Уходит на галерейку, потом возвращается в шляпе. Уходя.) Ждите меня, только, пожалуйста, без драки.

(Где-то шарманка заиграла "Разлуку".)

Люська. Симка! Симка!

Чарнота. Сима!
(Молчание.)

Люська. У, гнусный город! У, клопы! У, Босфор! ... А ты ...

Чарнота. Замолчи.

Люська. Ненавижу я тебя, и себя, и всех русских! Изгой чертобы!
(Уходит в галерею.)

Чарнота (один). В Париж или в Берлин, куда податься? В Мадрид, может быть? Испанский город ... Не бывал. Но могу пари держать, что дыра. (Присаживается на корточки, шарит под кипарисом, находит окурок.) До чего греки жадный народ, ведь до самого хвостика докуривает, сукин кот! Нет, я не согласен с ней, наши русские лучше, определено лучше. (Зажигает окурок и уходит на галерею.)

(Во двор входит Голубков, он в английском френче, в обмотках и в турецкой феске. С шарманкой. Ставит ее на землю, начинает играть "Разлуку", потом марш.)

(Кричит с галереи.) Перестанешь ли ты, турецкая морда, мне душу надрывать?

Голубков. Что? Гри ... Григорий Лукьянович?! Говорил, что найду! Нашел!

Чарнота. Кто такой! Ты, приват-доцент?

Голубков (садится на край водоема, в волнении). Нашел.

Чарнота (сбегает к нему). Меня-то нашел, нашел ... Я тебя за турка принял. Здравствуй! (Целует Голубкова.) На что ты похож?! Э, постарел! Мы думали, что ты у большевиков остался. Где же ты пропал полгода?

Голубков. Сперва в лагере околачивался, потом тифом заболел, в больнице два месяца провалялся, а теперь вот хожу по Константинополю, Хлудов приютил. Его, ты знаешь, разжаловали, из армии вон!

Чарнота. Слышал. Я, брат, и сам теперь человек штатский. Насмотрелись мы тут ... Но с шарманкой еще никого не было.

Голубков. Мне с шарманкой очень удобно. По дворам хожу и таким образом ищу. Говори сразу, умерла она? Говори, не бойся. Я ко всему привык.

Чарнота. А, Серафима! Зачем умерла? Поправилась, живехонька!

Голубков. Нашел! (Обнимает Чарноту.)

Чарнота. Конечно, жива. Но, надо сказать, в трудное положение мы попали, доцент! Все рухнуло! Добегались мы, Сережа, до ручки!

Голубков. А где же она, где Серафима?

Чарнота. Тут она. Придет. Мужчин пошла ловить на Перу.

Голубков. Что?

Чарнота. Ну чего ты на меня выпятился? Сдыхаем с голоду. Ни газырей, ни денег.

Голубков. Как так—пошла на Перу? Ты лжешь!

Чарнота. Чего там лжешь? Я сам не курил сегодня полдня. В Мадрид меня чего-то кидает ... Снился мне всю ночь Мадрид ... (Послышались голоса. Во двор входит Серафима, а с ней Грек-донжуан, увешанный покупками и с бутылками в руках.)

Серафима. О нет, нет, это будет очень удобно, мы посидеим, поболтаем ... Правда, мы живем на бивуаках ...

Грек-донжуан (с сильным акцентом). Очень, очень мило! Я боюсь стеснить вас, мадам.

Серафима. Позвольте, я познакомлю вас ...

(Чарнота поворачивается спиной к ней.)

Куда же вы, Григорий Лукьянович, это неудобно!

Грек-донжуан. Очень, очень приятно!

(Голубков, тяжело морщась, подымается с водоема, подходит к Греку и дает ему в ухо.)

(Грек-донжуан роняет покупки, крайне подавлен. В окнах появляются встревоженные греческие и армянские головы. Люська выходит на галерею.)

Грек-донжуан. Что это? Такое что? ...

Серафима. Боже мой! ... Позор, позор!

Чарнота. Господин грек!

Грек-донжуан. А, это я в мухоловку попал, притон! (Печален.)

Серафима. Простите меня, мсье, простите, ради бога! Это ужас, это недоразумение! ...

Чарнота (берясь за револьвер, оборачивается к окнам). Сию минуту провалиться!

(Головы проваливаются, и окна закрываются.)

Грек-донжуан (тоскливо). Ой, боже ...

Голубков (двинулся к нему). Вы ...

Грек-донжуан (вынув бумажник и часы). На кошелек и на часы, храбрый человек! Жизнь моя дорогая—у меня семья, магазин, детки ... Ничего не скажу полиции ... живи, добрый человек, славь бога всемогущего ...

Голубков. Вон отсюда!

Грек-донжуан. Ах, Стамбул, какой стал? ...

Голубков. Покупки взять!

(Грек-донжуан хотел было взять покупки, но всматрелся в лицо Голубкова и кинулся бежать.)

Люська. Господин Голубков? А мы вас не далее как час назад вспоминали! Думали, что вы находитесь там, в России. Но ваш выход можно считать блестящим!

Голубков. А вы, Серафима Владимировна, что же это вы делаете? Я и плыл, и бежал, был в больнице, видите, голова моя обрита ... Бежал только за тобой! А ты, что ты тут делаешь?

Серафима. Кто вам дал право упрекать меня?

Голубков. Я тебя люблю, я гнался за тобой, чтобы тебе это сказать!

Серафима. Оставьте меня. Я больше ничего не хочу слышать! Мне все это надоело! Зачем вы появились опять передо мной? Все мы нищие! Отделяюсь от вас! ... Хочу погибать одна! Боже, какой позор! Какой срам! Прощайте!

Голубков. Не уходите, умоляю!

Серафима. Ни за что не вернусь! (Уходит.)

Голубков. Ах так! (Выхватывает внезапно кинжал у Чарноты и бросается вслед за Серафимой.)

Чарнота (обхватив его, отнимает кинжал). Ты что, с ума сошел? В тюрьму хочется?

Голубков. Пусти! Я все равно ее найду, я все равно ее задержу! Ладно! (Садится на край водоема.)

Люська. Вот представление так представление! Греки поражены. Ну, довольно. Чарнота, открывай сверток, я голодна.

Голубков. Не дам прикоснуться к сверткам!

Чарнота. Нет, не откроею.

Люська. Ах вот что! Ну, терпение мое кончилось! Выпила я свою константинопольскую чашу, довольно! (Берет в галерее шляпу, какой-то всерток, выходит.) Ну-с, Григорий Лукьянович, желаю вам всего хорошего. Совместная наша жизнь кончена. У Люськи есть знакомства в восточном экспрессе, и Люська была дурой, что сидела здесь полгода! Прощайте!

Чарнота. Куда ты?

Люська. В Париж! В Париж! Прощайте! (Исчезает в переулке.)
(Чарнота и Голубков сидят на краю водоема и молчат. Мальчишка-турок ведет кого-то, манит, говорит: "Здесь, здесь!" За мальчишкой идет Клузов в штатском. Постарел и поседел.)

Чарнота. Вот и Роман. И он появился. Ты что смотришь, что газырей нет? Я тоже, как и ты, человек вольный.

Хлудов. Да, уж вижу. Ну здравствуй, Григорий Лукьянович. Да вот так все и ходим один по следам другого. (Указывая на Голубкова.) То я его лечил, а теперь он носится с мыслью меня вылечить. Между делом на шарманке играет. (Голубкову.) Ну что, и тут безрезультатно?

Голубков. Нет, нашел. Только ты меня ни о чем не спрашивай. Не спрашивай ни о чем.

Хлудов. Я тебя не спрашиваю. Это дело твое. Мне важно только—нашел?

Голубков. Хлудов! Я попрошу тебя только об одном, и ты один это можешь сделать. Догони ее, она ушла от меня, задержи ее, побереги, чтобы она не ушла на паней.

Хлудов. Почему же ты сам не можешь этого сделать?

Голубков. Здець, на водоеме, я принял твердое решение, я уезжаю в Париж. Я найду Корзухина, он богатый человек, он обязан ей помочь, он ее погубил.

Хлудов. Как ты поедешь? Кто тебя пустит во Францию?

Голубков. Тайком уеду. Я сегодня играл в порту на шарманке, капитан принял во мне участие, я вас, говорит, в трюм заберу, в трюме в Марсель отвезу.

Хлудов. Что же? Долго я должен ее караулить?

Голубков. Я скоро вернусь и даю тебе клятву, что больше никогда ни о чем не попрошу.

Хлудов. Дорого мне обошлась эта станция. (Оборачивается.) Нет, нету.

Чарнота (шепотом). Хорош караульщик!

Голубков (шепотом). Не смотри на него, он борется с этим.

Хлудов. Куда же она сейчас пошла?

Чарнота. Это не трудно угадать. Пошла у грека прощения вымаливать, на Шишлы, в комиссионный магазин. Я его знаю.

Хлудов. Ну хорошо.

Голубков. Только чтоб не ушла на панель!

Хлудов. У меня-то? У меня не уйдет. Недаром говорил один вестовой—мимо тебя не проскочишь ... Ну, впрочем, не будем вспоминать ... Помяни, господи! (Голубкову.) Денег нет?

Голубков. Не надо денег!

Хлудов. Не дури. Вот две лиры, больше сейчас нет. (Отстегивает медальон от часов.) Возьми медальон, в случае крайности—продашь. (Уходит.)

(Вечерние тени гуще. С минарета полился сладкий голос муэдзина:

”La illâh illa illâh ...”)

Голубков. Вот и ночь наступает ... Ужасный город! Нестерпимый город! Душный город! Да, чего же я сижу-то? Пора! Ночью уеду в трюме.

Чарнота. Я поеду с тобой. Никаких мы денег не достанем, я и не надеюсь на это, а только вообще куда-нибудь ехать надо. Я же говорю—думал, в Мадрид, но Париж—это, пожалуй, как-то пристойнее. Идем. То-то греки-хозяева удивятся и обрадуются!

Голубков (идет). Никогда нет прохлады—ни днем, ни ночью!

Чарнота (уходит с ним). В Париж так в Париж!

(Мальчишка-турок подбегает к шарманке, вертит ручку. Шарманка играет марш.)

(Голос муэдзина летит с минарета.)

(Тени. Кое-где загораются уже огоньки. В небе бледноватый золотой рог.)

(Потом тьма. Сон кончается.)

(Конец третьего действия)

Действие Четвертое

Сон Седьмой

(Осенний закат в Париже. Кабинет господина Ккорзухина в собственном особняке. Кабинет обставлен необыкновенно внушительно. В числе прочего несгораемая касса. Кроме письменного стола—карточный. Н нем приготовлены карты и две незажженные свечи.)

Корзухин. Антуан!

(Входит очень благообразного французского вида лакей Антуан, в зеленом фартуке.)

Monsieur Marchand M'avait averti qu'il ne viendra pas aujourd'hui. Ne remuez pas la table. Je me servirai plus tard.

(Молчание.)

Repondez-donc quelque chose! Да вы, кажется, ничего не поняли?

Антуан. Так точно, Парамон Ильич, не понял.

Корзухин. Как ”так точно” по-французски?

Антуан. Не могу знать, Парамон Ильич.

Корзухин. Антуан, вы русский лентяй. Запомните: человек, жвущий в Париже, должен знать, что русский язык пригоден лишь для того, чтобы ругаться непечатными словами или, что еще хуже, провозглашать какие-нибудь разрушительные лозунги. Ни то ни другое в Париже не принято. Учитесь, Антуан, это скучно. Que faites-vous

à ce moment? Что вы делаете в настоящую минуту?

Антуан. Же ... Я ножи чищу, Парамон Ильич.

Корзухин. Как ножи, Антуан?

Антуан. Ле кутто, Парамон Ильич.

Корзухин. Правильно. Учитесь, Антуан.

(Звонок.)

(Расстегивает пижаму, говорит, выходя.) Принять. Авось партнер подвернется. Je suis à la maison. (Выходит.)

(Антуан выходит и возвращается с Голубковым. Тот в матросских черных брюках, сером потертом пиджачке, в руках у него кепка.)

Голубков. Je voudrais parler à monsieur Корзухин.

Антуан. Пожалуйста вашу визитную карточку, вотр карт.

Голубков. Как? Вы русский? А я вас принял за француза. Как я рад?

Антуан. Так точно, я русский. Я—Грищенко.

(Голубков жмет руку Антуаны.)

Голубков. Дело вот в чем—карточек у меня нет. Вы просто скажите, что, мол, Голубков из Константинополя.

Антуан. Слушаю-сь. (Скрывается.)

Корзухин (выходя уже в пиджаке, бормочет). Какой такой Голубков? ... Голубков ... Чем могу служить?

Голубков. Вы, вероятно, не узнаете меня? Мы с вами встретились год тому назад в ту ужасную ночь на станции в Крыму, когда схватили вашу жену. Она сейчас в Константинополе на краю гибели.

Корзухин. На краю чего? Простите, во-первых, у меня нет никакой жены, а во-вторых, и станции я не припоминаю.

Голубков. Как же? Ночь ... еще сделался ужасный мороз, вы помните мороз во время взятия Крыма?

Корзухин. К сожалению, не помню никакого мороза. Вы изволите ошибаться.

Голубков. Но ведь вы—Парамон Ильич Корзухин, вы были в Крыму, ведь я же вас узнал!

Корзухин. Действительно, я некоторое время проживал в Крыму, как раз тогда, когда там бушевали эти полоумные генералы. Но, видите ли, я тогда же уехал, никаких связей с Россией не имею и не намерен иметь. Я принял французское подданство, женат не был и должен вам сказать, что вот уже третий месяц, как у меня в доме проживает в качестве личного секретаря русская эмигрантка, также принявшая французское подданство и фамилию Фрежоль. Это очаровательнейшее существо

настолько тронуло мое сердце, что, по секрету вам сказать, я намерен вскоре на ней жениться, так что всякие разговоры о какой-то яковы имеющейся у меня жене мне неприятны.

Голубков. Фрежоль ... Значит, вы отказываетесь от живого человека! Но ведь она же ехала к вам! Помните, ее арестовали? Помните, мороз, окна, фонарь—голубая луна? ...

Корзухин. Ну да, голубая луна, мороз ... Контрразведка уже пыталась раз шантажировать меня при помощи легенды о какой-то моей жене-коммунистке. Мне неприятен этот разговор, господин Голубков, повторяю вам.

Голубков. Ай-яй-яй! Моя жизнь мне снится! ...

Корзухин. Вне всяких сомнений.

Голубков. Я понял. Она вам мешает, и очень хорошо. Пусть она не жена вам. Так даже лучше. Я люблю ее, поймите это! И сделаю все для того, чтобы выручить ее из рук нищеты. Но я прошу вас помочь ей хотя бы временно. Вы—богатейший человек, всем известно, что все ваши капиталы за границей. Дайте мне займы тысячу долларов, и, лишь только мы станем на ноги, я вам свято ее верну. Я отработаю! Я поставлю себе это целью жизни.

Корзухин. Простите, мсье Голубков, я так и предполагал, что разговор о мифической жене приведет именно к долларам. Тысячу? Я не ослышался?

Голубков. Тысячу. Клянусь вам, я верну ее!

Корзухин. Ах, молодой человек! Прежде чем говорить о тысяче долларов, я вам скажу, что такое один доллар. (Начинает балладу о долларе и вдохновляется.) Доллар! Великий всемогущий дух! Он всюду! Смотрите туда! Вон там, далеко, на кровле, горит золотой луч, а рядом с ним высоко в воздухе согненная черная кошка—химера! Он и там! Химера его стережет! (Указывает таинственно в пол.) Неясное ощущение, не шум и не звук, а как бы дыхание вспученной земли: Там стрелой летят поезда, в них доллар. Теперь закройте глаза и вообразите—мрак, в нем волны ходят, как горы. Мгла и вода—океан! Он страшен, он сожрет. Но в океане, с сипением топок, взрывая миллионы тонн воды, идет чудовище! Идет, кряхтит, несет на себе огни! Оно роет воду, ему тяжело, но в адских топках, там, где голые кочегары, оно несет свое золотое дитя, свое божественное сердце—доллар! И вдруг тревожно в мире!

(Где-то далеко послышались звуки проходящей военной музыки.)

И вот они уже идут! Идут! Их тысячи, потом миллионы! Их головы

запаяны в стальные шлемы. Они идут! Потом они бегут! Потом они бросаются с воем грудью на колючую проволоку! Почему они кинулись? Потому что где-то оскорбили божественный доллар! Но вот в мире тихо, и всюду, во всех городах, ликующе кричат трубы! Он отомщен! Они кричат в честь доллара! (Утихает.)

(Музыка удаляется.)

Итак, господин Голубков, я думаю, что вы и сами перестанете настаивать на том, чтобы я вручил неизвестному молодому челогеку целую тысячу долларов?

Голубков. Да, я не буду настаивать. Но я хотел бы сказать вам на прощанье, господин Корзухин, что вы самый бездушный, самый страшный человек, которого я когда-либо видел. И вы получите возмездие, оно придет! Иначе быть не может! Прощайте! (Хочет уйти.)

(Звонок. Входит Антуан.)

Антуан. Женераль Чарнота.

Корзухин. Гм ... Русский день. Ну, проси, проси.

(Антуан уходит. Входит Чарнота. Он в черкеске, но без серебряного пояса и без кинжала и в кальсонах лимонного цвета. Выражение лица показывает, что Чарноте терять нечего. Развязен.)

Чарнота. Здорово, Парамоша!

Корзухин. Вы с вами разве встречались?

Чарнота. Ну вот вопрос! Да ты что, Парамон, гредишь? А Севастополь?

Корзухин. Ах да, да ... Очень приятно. Простите, а мы с вами пили брудершафт?

Чарнота. Черт его знает, не припоминаю ... Да раз встречались, так уж, наверно, пили.

Корзухин. Прости, пожалуйста ... Вы, кажется, в кальсонах?

Чарнота. А почему это тебя удивляет? Я ведь не женщина, коей этот вид одежды не присвоен.

Корзухин. Вы ... Ты, генерал, так и по Парижу шли, по улицам?

Чарнота. Нет, по улице шел в штанах, а в передней у тебя снял. Что за дурацкий вопрос!

Корзухин. Пардон, пардон!

Чарнота (тихо, Голубкову). Дал?

Голубков. Нет. Я ухожу. Пойдем отсюда.

Чарнота. Куда же это мы теперь пойдем? (Корзухину.) Что с тобой, Парамон? Твои соотечественники, которые за тебя же боролись с большевиками, перед тобой, а ты отказываешь им в пустяковой сумме.

Да ты понимаешь, что в Константинополе Серафима голодает?

Голубков. Попрошу тебя замолчать. Словом, идем, Григорий!

Чарнота. Ну, знаешь, Парамон, грешный я человек, нарочно бы к большевикам записался, только чтобы тебя расстрелять. Расстрелял бы и мгновенно выписался бы обратно. Постой, зачем это карты у тебя? Ты играешь?

Корзухин. Не вижу ничего удивительного в этом. Играю и очень люблю.

Чарнота. Ты играешь! В какую же игру ты играешь?

Корзухин. Представь, в девятку, и очень люблю.

Чарнота. Так сыграем со мной.

Корзухин. Я с удовольствием бы, но, видите ли, я люблю играть только на наличные.

Голубков. Ты перестанешь унижаться, Григорий, или нет? Пойдем!

Чарнота. Никакого унижения нет в этом. (Шепотом.) Тебе это сказано? В крайнем случае? Крайнее этого не будет. Давай хлудовский медальон!

Голубков. На, пожалуйста, мне все равно теперь. И я ухожу.

Чарнота. Нет, уж мы выйдем вместе. Я тебя с такой физиономией не отпущу. Ты еще в Сену нырнешь. (Протягивает медальон Корзухину.) Сколько?

Корзухин. Гм ... приличная вещь ... Ну что же, десять долларов.

Чарнота. Однако, Парамон! Это вещь стоит гораздо больше, но ты, по-видимому, в этом не разбираешься. Ну что же, пошло! (Вручает медальон Корзухину, тот дает ему десять долларов. Садится к карточному столу, откатывает рукава черкески, взламывает колоду.) Как раба твоего зовут?

Корзухин. Гм ... Антуан.

Чарнота (зычно). Антуан!
(Антуан появляется.)

Принеси мне, голубчик, закусить.

Антуан (удивленно, но почтительно улыбувшись). Слушаю-сь ... А лэнстан! (Исчезает.)

Чарнота. На сколько?

Корзухин. Ну, на эти самые десять долларов. Попрошу карту.

Чарнота. Девять.

Корзухин (платит). Попрошу на квит.

Чарнота (мечет). Девять.

Корзухин. Еще раз квит.

Чарнота. Карту желаете?
Корзухин. Да. Семь.
Чарнота. А у меня восемь.
Корзухин (улыбнувшись). Ну, так и быть, на квит.
Голубков (внезапно). Чарнота! Что ты делаешь? Ведь он удваивает и, конечно, сейчас возьмет у тебя все обратно!
Чарнота. Если ты лучше меня понимаешь игру, так ты садись за меня.
Голубков. Я не умею.
Чарнота. Так не засти мне свет! Карту?
Корзухин. Да, пожалуйста. Ах, черт, жир!
Чарнота. У меня три очка.
Корзухин. Вы не прикупаете к тройке?
Чарнота. Иногда, как когда ...
(Антуан вносит закуску.)
(Вышивая.) Голубков, рюмку?
Голубков. Я не желаю.
Чарнота. А ты, Парамон, что же?
Корзухин. Мерси, я уже завтракал.
Чарнота. Ага ... Угодно карточку?
Корзухин. Да. Сто шестьдесят долларов.
Чарнота. Идет. "Графиня, ценой одного рандеву ... " Девять.
Корзухин. Неслыханная вещь! Триста двадцать идет!
Чарнота. Попрошу прислать наличные.
Голубков. Брось, Чарнота, умоляю тебя! Теперь брось!
Чарнота. Будь добр, займись ты каким-нибудь делом. Ну, альбом, что ли, посмотри. (Корзухину.) Наличные, пожалуйста!
Корзухин. Сейчас. (Открывает кассу, в ней тотчас грянули колокола, всюду послышались звонки.)
(Свет гаснет и тотчас возвращается. Из передней появляется Антуан с револьвером в руке.)
Голубков. Что это такое?
Корзухин. Это сигнализация от воров. Антуан, вы свободны, это я открывал.
(Антуан выходит.)
Чарнота. Очень хорошая вещь. Пошло! Восемь!
Корзухин. Идет шестьсот сорок долларов?
Чарнота. Не пойдет. Этой ставки не принимает банк.
Корзухин. Вы хорошо играете. Сколько примете?

Чарнота. Пятьдесят.

Корзухин. Пошло. Девять!

Чарнота. У меня жир.

Корзухин. Пришлите.

Чарнота. Пожалуйте.

Корзухин. Пятьсот девяносто!

Чарнота. Э, Папамоша, ты азартный! Вот где твоя слабая струна!

Голубков. Чарнота, умоляю, уйдем!

Корзухин. Карту! У меня семь!

Чарнота. Семь с половиной! Шучу, восемь.

(Голубков со стоном вдруг закрывает уши и ложится на диван. Корзухин открывает ключом кассу. Опять звон, тьма, опять свет. И уже ночь на сцене. На карточном столе горят свечи в розовых колпачках. Корзухин уже без пиджака, волосы его всклокочены. В окнах огни Парижа, где-то слышна музыка. Перед Корзухиным и перед Чарнотой груды валюты. Голубков лежит на диване и спит.)

Чарнота (напевает). "Получишь смертельный удар ты ... три карты, три карты, три карты ..." Жир.

Корзухин. Пришлите четыреста! Пошли три тысячи!

Чарнота. Есть. Наличные!

(Корзухин бросается к кассе. Опять тьма со звоном и музыкой. Потом свет. В Париже—синий рассвет. Тихо. Никакой музыки не слышно.)

(Корзухин, Чарнота и Голубков похожи на тени. На полу валяются бутылки от шампанского.)

(Голубков, камкая, прячет деньги в карманы.)

Чарнота (Корзухину). Нет ли у тебя газеты загернуть?

Корзухин. Нету, Знаете что, сдайте мне наличные.

Я вам выдам чек!

Чарнота. Что ты, Парамон? Неужели в каком-нибудь банке выдадут двадцатьтысяч долларов человеку, который явился в подштанниках? Нет, спасибо!

Голубков. Чарнота, выкупи мой медальон, я хочу его вернуть!

Корзухин. Триста долларов!

Голубков. На! (Швыряет деньги.)

(Корзухин в ответ швыряет медальон.)

Чарнота. Ну, до свидания, Парамоша. Засиделись мы у тебя, нам пора.

Корзухин (загораживая дверь). Нет, стой! У меня жар, я ничего не понимаю ... Вы воспользовались моей болезнью?! Вот что, верните

деньги, я вам дам по пятьсот долларов отступного!

Чарнота. "Ты шутишь", — зверь вскричал коварный!..."

Корзухин. Ну, если так, я сейчас же звоню в полицию, что вы ограбили меня! Вас схватят сейчас же! Оборванцы!

Чарнота. Ты слышал? (Вынимает револьвер.) Ну, Парамон, молись своей парижской богоматери, твой смертный час настал!

Корзухин. Караул! Караул!

(На эти вопли вбегает Антуан, в одном белье.)

Все спят! Вся вилла спит! Никто не слышит, как меня грабят! Караул! (Портьера раздвигается, и возникает Люська. Она в пижаме. Увидев Чарноту и Голубкова, окаменеваает.)

Вы спите, милая Люси, в то время как патрона вашего грабят русские бандиты!

Люська. Боже мой, боже! Видно, не испила я еще горькой чаши моей! ... Казалось бы, имела я право отдохнуть, но нет, нет ... Недаром видела сегодня тараканов во сне! Мне интересно только одно—как вы сюда добрались?

Чарнота (поражен). Это она?

Корзухин (Чарноте). Вы знаете мадемуазель Фрежоль?

(Люська за спиной Корзухина становится на колени, умоляюще скалдывает руки.)

Чарнота. Откуда же мне ее знать? Никакого понятия не имею.

Люська. Так познакомимся же, господа! Люси Фрежоль.

Чарнота. Генерал Чарнота.

Люська. Ну-с, господа, в чем недоразумение? (Корзухину.) Крысик, чего ты кричал так отчаянно, кто тебя обидел?

Корзухин. Он выиграл у меня двадцать тысяч долларов! И я хочу, чтоб он вернул их!

Голубков. Это неслыханная подлость!

Люська. Нет, нет, жабочка, это невозможно! Ну, проиграл, что же поделаешь! Ты не маленький!

Корзухин. Где Антуан покупал карты?!

Антуан. Вы сами покупали их, Парамон Ильич.

Люська. Антуан, уйдите к дьяволу! В каком виде вы торчите передо мной?

(Антуан скрывается.)

Господа! Деньги принадлежат вам, и никаких недоразумений не будет. (Корзухину.) Иди, мой мальчик, усни, усни. У тебя под глазами тени.

Корзухин. Уволю этого дурака Ануана! Не пускать ко мне больше

русских в дом! (Всхлипнув, уходит.)

Люська. Ну-с, была очень рада повидать соотечественников и жалею, что больше никогда не придется встретиться. (Шепотом.) Выиграли— и уносите ноги! (Громко.) Антуан!

(Антуан выглядывает в дверь.)

Господа покидают нас, выпустите их.

Чарнота. О ревуар, мадемуазель.

Люська. Адье!

(Чарнота и Голубков уходят.)

Слава тебе господи, унесло их! Боже мой! Когда же я наконец отдохну!

(В пустынной улице послышались шаги.)

(Воровски оглянувшись, подбегает к окну, открывает его, тихонько кричит.) Порщайте! Голубков, береги Серафиму! Чарнота! Купи себе штаны!

(Потом тьма. Сон кончается.)

Сон Восьмой и последний

... Жили двенадцатьразбойников ...

(Комната в коврах, низенькие диванчики, кальян. На заднем плане сплошная стеклянная стена, и в ней стеклянная дверь. За стеклами догорают константинопольский минарет, лавры и верх Артуровой карусели.)

(Садится осеннее солнце, закат, закат ...)

(Хлудов сидит в комнате, он сидит на ковре, поджав ноги по-турецки, и разговаривает с кем-то.)

Хлудов. Ты достаточно измучил меня. Но наступило просветление. Да, просветление. Но ведь нельзя же забывать, что ты не один возле меня. Есть и живые, повисли на моих ногах и тоже требуют. А? Судьба завязала их в один узел со мной, и их теперь не отлепить от меня. Я с этим примирился. Одно мне непонятно. Ты. Как отделился ты один от длинной цепи лун и фонарей? Как ты ушел от вечного покоя? Ведь ты был не один. О нет, вас было много ... (Бормочет.) Ну, помяни, помяни, помяни ... А мы не будем вспоминать. (Думает, стареет, поникает.) Да. Итак, все это я сделал напрасно. А потом что выло? Просто—мгла, и вы ушли. Потом—зной, и каждый день вертится карусель. Но ты, ловец! В какую даль проник за мной, и вот поймал, поймал меня в мешок! Не мучь более меня, пойми, что я решился, клянусь. Лишь только Голубков вернется, я поеду сейчас же. Ну облегчи же мне душу, кивни. Кивни хоть раз, красноречивый

вестовой Крапилин! Так! Кивнул! Решено!

(Тихо входит Серафима.)

Серафима. Что, Роман Валерьявичи, опять?

Хлудов. Что такое?

Серафима. С кем вы говорили? Ведь в комнате нет никого, кроме вас!

Хлудов. Вам послышалось. А впрочем, у меня есть манера бормотать. Надеюсь, что это никому не мешает, а?

Серафима (садится на ковер рядом с Хлудовым). Четыре месяца я живу за стеной и слышу по ночам ваше бормотанье. Вы думаете, это легко? В такие ночи я сама не сплю. а теперь уже и днем? Бедный, бедный человек ...

Хлудов. Хорошо. Я достану вам другую комнату, но в этом же квартале, чтобы вы были под моим надзором. Я продал перстень, деньги есть. Светло в ней, окна на Босфор. Особенного комфорта, конечно, предложить не могу. Вы сами видите—чепуха. Разгром. Проиграли и выброшены. А почему проиграли, вы знаете? (Таинственно указывает за плечо.) Мы-то с ним все знаем. Мне и самому неудобно с вами рядом, но я должен держать слово.

Серафима. Роман Валерьянович, вы помните тот день, когда уезжал Голубков? Вы догнали меня и силой вернули, помните?

Хлудов. Когда человек с ума сходит, приходится применять силу. Все вы какие-то ненормальные.

Серафима. Мне стало жаль вас, Роман Валерьянович, и из-за этого только я и осталась.

Хлудов. Мне нянька не нужна, а вам нужна!

Серафима. Не раздражайтесь, вы этим причиняете вред только самому себе.

Хлудов. Да, верно, верно ... Я больше никому не могу причинить вреда. А помните—ночь, ставка ... Хлудов—зверюга, Хлудов—шакал? А?

Серафима. Все это ушло, и я забыла, и вы не вспоминайте.

Хлудов (бормочет). Да, да, да ... Нет, мне приходится вспоминать. А впрочем, помяни, помяни ... не будем вспоминать.

Серафима. Ну вот, Роман Валерьянович, я всю ночь думала ... Надо же на что-нибудь решиться. Скажите, до каких же пор мы будем с вами этак сидеть?

Хлудов. А вот вернется Голубков—и сразу клубочек разматается. Я вас сдаю ему, и каждый тогда сам по себе, врассыпную. И конечно.

Душный город!

Серафима. Ах, каким безумием было отпустить его тогда! Никогда себе этого не прощу! Ах, как я тоскую по нем! Это Люська, Люська виновата ... Я обезумела от ее упреков ... а теперь не сплю так же, как и вы, потому что он, наверно, пропал в скитаниях, а может быть, и умер.

Хлудов. Душный город! И это позорище—тараканьи бега! Все на меня валят, будто я ненормален. А зачем, в самом деле, вы его отпустили? Деньги там какие-то, у этого вашего мужа?

Серафима. Нет у меня никакого мужа, забыла его и проклиная!

Хлудов. Ну, словом, что же делать?

Серафима. Будем смотреть правде в глаза: пропал Сергей Павлович, пропал. И сегодня ночью я решила: вот казаков пустили домой, и я попрошусь, вернусь вместе с ними в Петербург. Зачем я, сумасшедшая, поехала?

Хлудов. Умно. Очень. Умный человек, а? Большевикам вы ничего не сделали, можете возвращаться спокойно.

Серафима. Одного я только не знаю, одно меня только и держит—это, что будет с вами?

Хлудов (тайно манит ее пальцем. Она придвигается, и он говорит ей на ухо). Только тсс ... вам-то ничего, а за мной контрразведка по пятам ходит, у них нюх ... (Шепчет.) Я тоже поеду в Россию, можно ехать сегодня же ночью. Ночью пойдет пароход.

Серафима. Вы тайком хотите, под чужим именем?

Хлудов. Под своим именем. Явлюсь и скажу: Я приехал, Хлудов.

Серафима. Опомнитесь, вас сейчас же расстреляют!

Хлудов. Моментально. (Улыбается.) Мгновенно. А? Ситцевая рубашка, подвал, снег ... Готово! Тает мое время. Смотрите, он ушел и стал вдали.

Серафима. А! Так вот вы о чем бормочете! Вы хотите смерти? Безумный человек! Оставайтесь здесь, может быть, вы вылечитесь?

Хлудов. Я вылечился сегодня. Я совершенно здоров. Не таракан, в ведрах плавать не стану. Я помню армии, бои, снега, столбы и на столбах фонарики ... Хлудов пройдет под фонариками.

(Громкий стук в дверь. Она тотчас открывается, и входят Голубков и Чарнота. Оба одеты в приличные костюмы. В руках у Чарноты чемаданчик.)

(Молчание.)

Серафима. Сережа! ... Сережа!

Чарнота. Здравствуйте! Что же вы молчите?

Хлудов. Ну вот они. Приехали. Я же говорил вам ...

Голубков. Сима! Ну что же, Сима, здравствуй!

(Серафима обнимает Голубкова и плачет.)

Хлудов (морщась). Пойдем, Чарнота, на балкон, поговорим. (Уходит с Чарнотой за стеклянную стену.)

Голубков. Ну не плачь, не плачь. О чем ты плачешь, Серафима? Вот я, я вернулся ...

Серафима. Я думала, что ты погиб! О, если б ты знал, как я тосковала! ... Теперь для меня все ясно ... Но всетаки я дождалась! Ты теперь никуда больше не поедешь, я тебя не отпущу.

Голубков. Никуда, конечно, никуда! Все кончено! И мы сейчас все придумаем! Как же ты жила здесь, Сима, без меня? Скажи мне хоть слово!

Серафима. Я измучилась, я не сплю. Как только ты уехал, я опомнилась, я не могла простить себе, что я тебя отпустила! Все ночью сижу, смотрю на огни, и мне мерещится, что ты ходишь по Парижу, оборванный и голодный ... А Хлудов больной, он такой страшный!

Голубков. Не надо, Сима, не надо!

Серафима. Ты видел мужа моего?

Голубков. Видел, видел. Он отрекся от тебя, и у него новая жена, а кто—совершенно неинтересно ... И ... так лучше, и ты свободна! (Кричит.) Хлудов, спасибо!

(Хлудов и Чарнота входят.)

Хлудов. Ну вот, все в порядке теперь, а? (Голубкову.) Ты ее любишь? А? Искренний человек? Советую ехать туда, куда она скажет. А теперь прощайте все! (Берет пальто, шляпу и маленький чемодан.)

Чарнота. Куда это, смею спросить?

Хлудов. Сегодня ночью пойдет пароход, и я поеду с ним. Только молчите.

Голубков. Роман! Одумайся! Тебе нельзя этого делать!

Серафима. Говорила уже, его не удержишь.

Хлудов. Чарнота! А знаешь что? Поедем со мной, а?

Чарнота. Постой, постой, постой! Только сейчас сообразил! Куда это? Ах туда? Здорово задумано! Это что же, новый какой-нибудь хитроумный план у тебя созрел? Не зря ты генерального штаба! Или ответ едешь держать? А? Ну так знай, Роман, что проживешь ты ровно столько, сколько потребуется тебя с парохода снять и довести до ближайшей стенки! Да и то под строжайшим караулом, чтоб тебя

не разорвали по дороге! Ты, брат, большую память о себе оставил. Ну, а попутно с тобой и меня, раба божьего, поведут, поведут ... За мной много чего есть! Хотя, правда, фонарей у меня в тылу нет!

Серафима. Чарнота! Что ты больному говоришь?

Чарнота. Говорю, чтобы остановить его.

Голубков. Роман! Остайся, тебе нельзя ехать!

Хлудов. Ты будешь тосковать, Чарнота.

Чарнота. Эх, сказал! Я, брат, давно тоскую. Мучает меня Киев, помню я лавру, помню бои ... От смерти я не бегал, но за смертью специально к большевикам тоже не поеду. И тебе из жалости говорю— не езд.

Хлудов. Ну, прощай! Прощайте! (Уходит.)

Чарнота. Серафима, задержи его, он будет каяться!

Серафима. Ничего не могу сделать.

Голубков. Вы его не удержите, я знаю его.

Чарнота. А! Душа суда требует! Ну что ж, ничего не сделаешь! Ну, а вы?

Серафима. Пойдем, Сергей, проситесь. Я придумала—поедем ночью домой!

Голубков. Поедем, поедem! Не могу больше скитаться!

Чарнота. Ну что ж, вам можно, вас пустят. Давай делить деньги.

Серафима. Какие деньги? Это, может быть, корзухинские деньги?

Голубков. Он выиграл у Корзухина двадцать тысяч долларов.

Серафима. Ни за что!

Голубков. И мне не надо. Доехал сюда, и ладно. Мы доберемся как-нибудь до России. Того, что ты дал, нам хватит.

Чарнота. Предлагаю в последний раз. Нет? Благородство? Ну, ладно. Итак, пути наши разошлись, судьба нас развязала. Кто в петлю, кто в Питер, а я куда? Кто я теперь? Я—Вечный Жид отныне! Я—Агасфер. Летучий я голландец! Я—черт собачий!

(Часы пробили пять. Над каруселью поднялся флаг вдали, и послышались гармонии, а с ними хор у Артура на бегах: "Жили двенадцать разбойников и Кудеяр-атаман ...")

Ба! Слышите? Жива вертушка, работает! (Распахивает дверь на балкон.)

(Хор полился яснее: " ... много разбойники пролили крови честных христиан ...")

Здравствуй вновь, тараканий царь Артур! Ахнешь ты сейчас, когда явится перед тобой во всей славе своей генерал Чарнота! (Исчезает.)

Голубков. Не могу больше видеть этого города! Не могу слышать!

Серафима. Что это было, Сережа, за эти полтора года? Сны? Объясни мне! Куда, зачем мы бежали? Фонари на перроне, черные мешки ... потом зной! Я хочу опять на Караванную, я хочу опять увидеть снег! Я хочу все забыть, как будто ничего не было!

(Хор разливается шире: "Господу богу помолимся, древнюю быль возвестим! ...")

(Издали полился голос муэдзина: "La illâh illa illâh ... ")

Голубков. Ничего, ничего не было, все мерещилось! Забудь, забудь! Пройдет месяц, мы доберемся, мы вернемся, и тогда пойдет снег, и наши следы заметет ... Идем, идем!

Серафима. Идем! Конец!

(Оба выбегают из комнаты Хлудова.)

(Константинополь начинает гаснуть и угасает навсегда.)

Конец